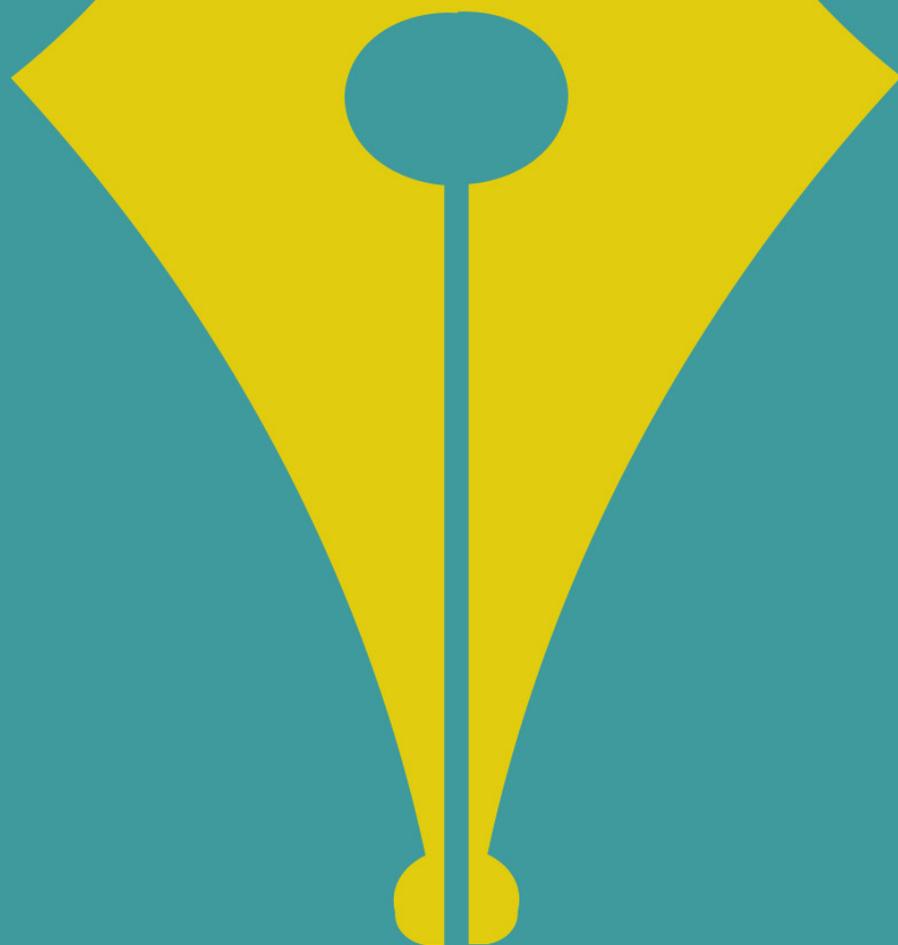

ИВАН БУНИН

КНЯЗЬ
ВО КНЯЗЬЯХ

Иван Бунин
КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХ

«ЭКСМО»

1912

Бунин И. А.

Князь во князьях / И. А. Бунин — «Эксмо», 1912

«Лукьян Степанов приехал в светлый сентябрьский день к помещице Никулиной. До его хутора верст пятнадцать, лошадьми он дорожит как зеницей ока. Значит, приехал он по важному делу. Гнедой жеребец, сверкая глазами, тяжело влетел во двор, к сараю, где еще до сих пор слезают те, что не решаются слезать у крыльца. Лукьян Степанов сидел на беговых дорожках, на голой доске...»

© Бунин И. А., 1912

© Эксмо, 1912

Иван Бунин

КНЯЗЬ ВО КНЯЗЬЯХ

Лукьян Степанов приехал в светлый сентябрьский день к помещице Никулиной. До его хутора верст пятнадцать, лошаадьми он дорожит как зеницей ока. Значит, приехал он по важному делу.

Гнедой жеребец, сверкая глазами, тяжело влетел во двор, к сараю, где еще до сих пор слезают те, что не решаются слезать у крыльца. Лукьян Степанов сидел на беговых дорожках, на голой доске.

– Что же это вы, Лукьян Степаныч, без подушки-то? – смеясь, спросил его лицеист Сева, шедший от конюшни.

– Погоди, расскажу, – ответил Лукьян Степанов, привязывая жеребца к телеге без передков.

Сева стал годить. Привязывал Лукьян Степанов долго, основательно. Привязав, высморкался на землю, вытерся полою и наконец ответил:

– Вот оттого-то у вашего брата, господ, и нету ничего. Есть подушка – валяй ее и в хвост и в голову!

Взяв с дрожек мешочек, набитый чем-то тяжелым, он пошел к дому – большой, тяжелый от одежды. На нем была теплая поддевка, сверх поддевки бараний тулуп, голова под шапкой повязана по ушам красным платком, ноги обуты в тяжелые сапоги.

Сева опять засмеялся и сказал:

– А тепло вы одеты!

– Мне, брат, восемьдесят с гаком, – ответил Лукьян Степанов. – Доживи-ка до моего.

– Ну, уж и восемьдесят! Откуда вы столько набрали?

– В поле, брат, набрал.

– Ну, а уши-то вы зачем же завязали?

– Глухой быть не хочу – вот зачем. Отчего вы, господа, глухие-то все? Вот от этого. Выскочил в чем попало, надуло в уши – и готов.

Вышла в зал хозяйка, ее старший сын Мика, лысый, усатый, близорукий, и дочь Люлю – бледная, женственная, задумчивая, постоянно кутающая плечи в пуховой платочек и неожиданно, притворно вздрагивающая. Хозяйка угощала гостя белым хлебом, чаем и вареньем, много говорила, делая вид, что очень осведомлена в сельском хозяйстве. Сева не спускал смеющихся глаз с Лукьяна Степанова, с его загорелого лица и носа, который от загара лупился, был лиловый, в золотистой шелухе. Мика, наклоняясь к столу, курил, сбрасывал пепел в пепельницу в виде ладони и катал хлебные шарики, что всегда раздражало хозяйку. Люлю села с ногами на диван, прижалась в уголок, съежилась и, не моргая, глядела красивыми печальными глазами в большой рот Лукьяна Степанова: десны у него были розовые, голые, без единого зуба. Всех томила загадка: зачем он приехал? А ну как приторговываться к имению? Ах, если бы дал господь! Хозяйка очень тонко, как ей казалось, подводила разговор к продаже имений, намекала на то, что, по нынешним временам, и она охотно продала бы:

– Ах, Лукьян Степаныч, с нашим народом поневоле придешь к заключению, что банк-то самое надежное место для капитала!

Но Лукьян Степанов говорил только о своих лошадях, об умолоте, очень охотно ел белый хлеб, деликатно брал ложечку варенья прямо из вазы, глубоко запуская ее в рот, клал обратно и пил чай. Он делал вид, что слушает хозяйку, изумлялся самым простым вещам, хлопал себя по колену – и опять говорил только о себе, не давая говорить хозяйке. Сидел он в расстегнутой проддевке, под которой была линючая ситцевая рубашка, вытирал лысеющую голову и лицо платком, снятым с ушей. «Совсем еще здоровый мужик! думали все. – Только борода седая, да

и то не совсем, еще видно, что она была рыжая; есть, конечно, и в глазах что-то тусклое, старческое, живот провалился...» Наконец он встал, принес из прихожей и развязал свой тяжелый мешочек, полный серебра попеременно с золотыми. Оказалось, что он приехал только затем, чтобы похвастаться. «Да это еще что! – сказал он. – Разве это деньги? Так, запродаю овсянку, ну и взял маленько задатку...»

Вызвав удивление, зависть, почтение, он довольно и хитро засмеялся, вернее, засипел, открывая розовый рот, поблагодарил за чай, за угощение и пошел одеваться.

– Нет, пора, пора, – сказал он, хотя никто не оставлял его. – И так припоздал. Лучше на Покров еще приеду.

Все были разочарованы и ушли, не дождавшись, пока он оденется. В прихожей остался один Сева.

– Ну, вот вы, Лукьян Степаныч, говорите, что вам восемьдесят с гаком, – начал он, садясь на коник. – Ну, скажите откровенно: боитесь смерти? Часто о ней думаете?

– Погоди, расскажу, – ответил Лукьян Степанов, одеваясь.

И опять ничего не рассказал. Повязав уши, надвинув шапку на самые брови, туго и низко подпоясавшись, он стал нанизывать на себя тулуп. Справившись с этим, он устал, задохнулся и тяжело сел рядом с Севой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.